

Raleigh D.J. *Soviet Baby Boomers: An Oral History of Russia's Cold War Generation.* Oxford; N.Y.: Oxford University Press, 2012. 420 p.

Опыт лирической биографии холодной войны

Книга Дональда Рейли посвящена поколению советских граждан, родившихся в середине XX в. и ставших свидетелями холодной войны. Фабула книги тесно связана с индивидуальной биографией исследователя, о чем сам автор признается во вступительных замечаниях и во введении. Американский ученый известен специалистам прежде всего как историк Гражданской войны. Более чем тридцатилетняя периодическая работа в Саратовском архиве позволила ему не только изучать историю начала века, но и знакомиться с людьми, погружаться в актуальный социально-культурный и экономический контексты. Из общения с русскими друзьями возникла идея написать книгу о целом поколении и таким образом выразить силу личного интереса к жизненным историям своих ровесников, политической волей объявленных на несколько десятилетий идеологическими оппонентами.

Итак, перед нами книга о тех, кто родился в СССР в 1949–1950 гг., вырос на фильмах «про Чапаева», в то время, когда Сталин отменил карточки и снизил цены на хлеб (Р. 7). Книга, написанная человеком, тоже родившимся в год основания НАТО, но в стране, где тогда уже были доступны авто-

Ольга Алексеевна Смоляк
Пермский государственный
институт искусства и культуры
olga.smolyak@gmail.com

мобили, телевидение, плейеры, телефонная связь и замороженные продукты (Р. 6), выросшим (по его собственным словам) на фильме «Доктор Стрейнжлав, или Как я научился не волноваться и полюбил атомную бомбу». Книга, которая является результатом переживаний личной биографии и «своего», американского, контекста, в котором учитель физкультуры заставлял заниматься, чтобы быть «такими же сильными, как русские» (Р. 4), а дома ребенок-католик проводил «сотни часов в молитве за обращение в веру атеистов-коммунистов» (Р. 4). В то же время детские страхи развились в любознательность, а жизненный опыт дал основания увидеть родовое сходство двух систем (Р. 7). В конечном счете это книга о поколении людей, мировоззрение которых сформировалось на фоне соперничества двух сверхдержав, столкновения двух универсалистских идеологий, двух путей понимания мира.

Репрезентация в тексте образа автора, его жизненной позиции, опыта и автобиографической истории, а также источниковая база, цели работы, поставленные вопросы и заявленный метод настроили меня, как читателя, на антропологическую волну и сформировали некоторые ожидания. Речь идет о той настройке исследовательской оптики, которую И.В. Нарский называет «антропологизация авторства», когда научный фокус переносится с исторических событий и структур на восприятие и поведение изучаемых акторов. Необходимость этого связана с сокращением дистанции между исследователем и объектом исследования в современном историческом знании, что, с одной стороны, позволило формулировать новые темы, но, с другой стороны, изменило позицию и роль историка: «Совершенно очевидно, что в отношении недавнего прошлого, будь то история детства второй половины XX века или холодной войны, проблема рефлексии историка тем более резко повышается, поскольку он сам оказывается частью той культуры и традиции, которую изучает. Точнее, объектом исследования прямо или опосредованно становится часть индивидуальной биографии исследователя» [Нарский 2012]. В работе Дональда Рейли отсутствует временная дистанция, и это действительно привлекает внимание читателя не просто к авторским наблюдениям, но к его рефлексии. В то же время эта книга написана с культурной дистанции, которая как раз может быть выгодным условием для нахождения объяснительных метафор или, если угодно, моделей.

В основе исследования лежит разнообразный и объемный корпус источников. Это личные наблюдения, которые автор делал в течение тридцати шести путешествий в СССР и Россию начиная с 1971 г., книги, фильмы, магнитофонные записи, названные респондентами, и фотографии, предоставленные ими,

и, конечно, сами шестьдесят интервью продолжительностью от одного до трех часов, проведенные без ассистентов с 2001 по 2008 г. с жителями Москвы и Саратова, Нью-Йорка, Монреаля, Портленда (Орегон), Эймса (Айова), а также по телефону с абонентами из Израиля и Кипра. Фокусируясь на том, как респонденты помнят свою жизнь, описывают свои жизненные траектории, Д. Рейли попытался обнаружить границы политического, личного и профессионального. Для этого он строил вопросы в полужформализованных интервью вокруг пяти тем, сформулированных на начальном этапе исследования: 1. Кто и что формировал мировоззрение этого поколения. 2. Как формировалась «советская мечта» и как она отразилась в жизненных траекториях. 3. Как это поколение преодолело сложный переход к постсоветской России. 4. Как жизненный опыт поколения производил и трансформировал советское (российское) общество во время и после холодной войны. 5. Чем память тех, кто вырос в Москве, отличается от памяти тех, кто вырос в Саратове — провинциальном, «закрытом» для посещения иностранных делегаций и, следовательно, лишенном прямого иностранного влияния городе (Р. 5).

Цель автора — представить, как исторические процессы были пережиты реальными людьми, и показать через жизненные истории, как советское общество времен холодной войны функционировало на повседневном уровне (Р. 13). Автор берет за основу составной нарратив из личных историй, рассказанных многими людьми, и включает его в большие исторические нарративы о холодной войне, десталинизации советского общества, соревновании, выражающемся в лозунге «Догоним и перегоним Америку!», о (при)открытии страны перед остальным миром, об экономической стагнации, о диссидентстве, переходе к рыночной экономике, об эмиграции, о трансформации классовых, этнических и гендерных отношений в течение всего изучаемого периода (Р. 12). Автор книги воспринимает свою работу «как коллекцию голосов в моей “хоровой аранжировке”» (Р. 13).

Собеседниками Д. Рейли были выпускники одной московской и одной саратовской школ с углубленным изучением английского языка, которые получили аттестат в 1967 г. Они представляли собой определенный срез советского общества: большинство учащихся этих школ были детьми партийной элиты, правительственных чиновников, творческой и технической интеллигенции, высших офицерских чинов. Но одновременно эти школьные классы демонстрировали своим составом реализацию принципа социального равенства, декларируемого советской пропагандой: в каждой из школ училось незначительное количество детей из семей рабочего класса (например, сын

высококвалифицированного слесаря, налаживавшего производственное оборудование, вывозимое на экспорт). Несмотря на то что условия жизни, возможности и привилегии московских и саратовских семей отличались, всех респондентов объединяет то, что их родители занимали высокое и самое высокое положение в социальной иерархии советского общества. Анализируя жизненные траектории своих ровесников, родившихся в СССР, автор использует метафору «бебибумеры» и тем самым вписывает советскую молодежь в глобальное пространство, в котором формируются потребительские стандарты, растет влияние западной поп-культуры, расширяется сфера доступного образования, наконец, заявляет о себе молодежная субкультура, предлагающая образцы беззаботного поведения и стремление к удовольствию. Советские бебибумеры, таким образом, становятся поколением с теми же желаниями и стремлениями, что их сверстники на Западе: они стремились получить хорошее образование, сделать карьеру, ценили высокие жизненные стандарты, путешествовали и расширяли свой кругозор, интересовались современной литературой, музыкой, кинематографом. Другими словами, это поколение потребителей в формирующемся советском потребительском обществе.

Д. Рейли делит коллективную биографию поколения на периоды, каждому из которых посвящена одна из семи глав. Он не предлагает линейного повествования, скорее можно сказать, что ткань нарратива, воплощенная в книгу, складывается из проблемных и (или) тематических рассказов, заданных самими респондентами. Автор взял на себя лишь функцию организовать эти повествования в большой связный рассказ исходя из своей логики, сформулированной в пяти вопросах. Так, первая глава, как обычно в любой биографии, посвящена корням. Истории, рассказанные бебибумерами о своих родителях, вплетаются в водоворот исторических событий и тем самым дают пищу или служат примерами, иллюстрирующими перипетии, противоречия и упущения социальной и экономической политики советского государства в 1920–1940-е гг. Вторая и третья главы через воспоминания бебибумеров о школьных годах рассказывают о реформах в системе образования, роли семьи, школы и пропаганды в системе воспитания строителей коммунизма в 1950–1960-е гг. Особенно автор сосредоточивает свое внимание на оценках событий и явлений: запуск спутника, полет человека в космос, лозунг «Догоним и перегоним Америку!», «Мастер и Маргарита» Булгакова, магнитофоны, самодельное изготовление радио, Фидель Кастро, «Битлз», барды. Четвертая глава посвящена студенческим годам и проблемам идентификации, самоопределения, индивидуализма,

которые рассматриваются ввиду сложившихся исторических обстоятельств через отношение к вторжению советских войск в Чехословакию, самиздату, через выявление причинно-следственных связей между Шестидневной войной и личной историей. Пятая, шестая и седьмая главы выстраиваются не столько на основе биографического возраста, сколько вокруг образов официальных лидеров: Брежнева, Горбачева, Ельцина. Блат, «колбасные электрички», командировки за границу, Афганистан, движение за права человека становятся в этом повествовании теми знаками, через которые складывается отношение бебибумеров к своим жизненным траекториям, высшему руководству и судьбе страны.

Ценность исследования, бесспорно, в том, что в его основе лежит огромный корпус личных свидетельств. Это социальная история страны, написанная через личный опыт одного поколения, представителей одной страны. При этом я бы не стала говорить о коллективном портрете советской золотой молодежи, возможно, потому, что рассказы жителей Москвы и Саратова создают совершенно разные картины жизни, основанные на разных возможностях. Мне показалось также любопытным, что московские бебибумеры Д. Рейли полностью отличаются по своим стремлениям и интересам от портретов «золотых» Екатерины Московской и Алеши Паустовского, которых исследовала Наталья Козлова [Козлова 2005]. Они вообще рисуют другой образ жизни, в котором есть место «колбасным электричкам», «несунам», очередям. Перед нами наглядная иллюстрация того, какой разный результат дают исследования, основанные на разных источниках. Так или иначе, но, как показывает Д. Рейли, все бебибумеры выдержали изменения, связанные с переходом страны к рыночной экономике, сохранили или преумножили социальный и культурный капитал, чтобы передать его своим детям (в отличие от некоторых героев Н. Козловой из других социальных групп). При всех социальных и культурных различиях, рассказы «золотых» бебибумеров имеют общие моменты, объединяющие эту группу не только с другими странами общества, но и со следующим поколением. Автор книги ищет советский акцент, который, по его мнению, заключается в пористости границ между частным и публичным пространством. Учитывая то, что ценность частной жизни и индивидуализма для поколения бебибумеров была больше, чем для их родителей, посягательство пропаганды на частную жизнь стало причиной развития двойственных стандартов поведения и определенного цинизма в отношении к жизни. Этот вывод, конечно, вызывает интерес к тому, чтобы провести параллели между исследованиями Дональда Рейли и Алексея Юрчака [Yurchak 2005].

При всей своей значимости книга Д. Рейли не ведет к какому-то прорыву в понимании советской повседневности, идеологии или коллективной памяти. Ее слабым местом является тихий голос автора. По сути, перед нами тематическая систематизация и комментированное чтение проведенных интервью, дополненных не столько анализом, сколько наблюдениями. Как читателю, мне было интересно испытывать «радость узнавания», достраивая самостоятельно значения и коды в обозначенной автором связи между историческим событием и личными репликами информантов. Но как исследователю мне хочется увидеть реализацию заявленных автором задач и методологических установок. Можно выделить два проблемных момента в этой книге: подмена анализа обобщающими наблюдениями и оставление без внимания высказанных респондентами противоречий, умолчаний, преувеличений. Так, автор делает наблюдение, что все респонденты были комсомольцами и подчеркивали, что вступление в организацию было их личным желанием, в то время как отказ от членства грозил им стигматизацией. Но далее автор не разбирается ни в силе реплик о личном желании стать комсомольцем, ни в том, как система, общество, пропаганда навязывают (или не навязывают?) это желание (Р. 106). Кроме того, автор, даже замечая однажды, что его информанты говорят штампами, все же не акцентирует на этом особого внимания, не пытается понять, что это за речевой штамп и в чем причина его употребления, не высказывает своего отношения к этому. Воспринимая память как интерпретатора жизненных событий, важно посмотреть не только как происходит отбор, но и как, кем производится селекция воспоминаний. И тогда нельзя пройти мимо таких высказываний, как «полки магазинов были пустыми, но холодильники у людей были полными» (Р. 225), которое стало сегодня дежурной шуткой и требует внимания, если вдруг кто-то использует его для характеристики экономической ситуации. Наконец, по моему мнению, автор не использовал преимущества культурной дистанции, которая позволяет замечать то, чего не видят носители культуры, даже когда они занимают позицию исследователя. Несмотря на свои тридцать шесть поездок в Советский Союз и Россию, он не включает свои наблюдения в повествования, чтобы поддержать, оспорить, пояснить, подчеркнуть и т.д. высказывания своих респондентов.

В книге Дональда Рейли отражается актуальная тенденция к изменению позиции исследователя по отношению к объекту исследования. Автора заботит написание не «абсолютно объективной», но «человеческой» истории, которую пишут сами люди, живые и реальные, а исследователь создает условия, чтобы эта история прозвучала. В основе такой работы лежит

глубокий личный интерес, влияющий на отношение ученого к источнику и на стратегии репрезентации результатов своего творчества. В итоге мы получаем исследование с большой долей лирического настроения автора, что действительно необходимо для антропологической истории.

Библиография

Козлова Н. Советские люди. Сцены из истории. М.: Европа, 2005.

Нарский И.В. Антропологизация авторства: приглашение к лирической историографии // Новое литературное обозрение. 2012. № 115 (3). <http://www.nlobooks.ru/node/2254#_ftnref1>.

Yurchak A. Everything Was Forever, Until It Was No More: The Last Soviet Generation. Princeton: Princeton University Press, 2005.

Ольга Смоляк

Карпов Ю.Ю., Капустина Е.Л. *Горцы после гор. Миграционные процессы в Дагестане в XX — начале XXI века: их социальные и этнокультурные последствия и перспективы.* СПб.: Петербургское востоковедение, 2011. 448 с.

В настоящее время эмпирическое изучение и осмысление такого глобального процесса современности, как не знающий преград обмен телами, вещами, символами и упованиями [Urry 2000], приобрели особую актуальность в науках о человеке и обществе. Возможности использования человечеством свободы передвижения, возросшие благодаря техническим достижениям последнего столетия, предопределили возникновение новых парадигматических перспектив в общественных науках. Одной из них является «парадигма мобильности» [Sheller, Urry 2006] или «поворот в мобильность» [Hannam, Sheller, Urry 2006], направленные на исследование вопросов пространственной мобильности. Этот подход уделяет особое внимание междисциплинарному диалогу на тему концептуального сдвига от изучения оседлого образа жизни к исследованию социальных импликаций мобильности и используется не только в сфере миграциологии, но и в социальных науках в целом для объяснения социальных явлений с помощью различных форм мобильности.

Алиса Валерьевна Толстокурова
Международная школа равных
возможностей,
Киев,
Украина
alictol@yahoo.com

К данной парадигме можно отнести и рецензируемую работу, посвященную исследованию одного из самых значительных социальных явлений в новейшей истории Дагестана — переселения жителей горных

районов на равнине. Особое внимание в книге уделяется изучению сезонной трудовой миграции дагестанцев как социальному явлению. Актуальность исследуемой научной проблемы бесспорна и обусловлена тем, что в ходе данного процесса произошло разрушение во многих отношениях уникальной культуры горцев, существенно изменилась и продолжает меняться этническая карта республики и сопредельных с ней субъектов Российской Федерации. Это вызывает напряжение в межнациональных и политических отношениях не только в самом Дагестане, но и в более широком контексте Северокавказского федерального округа и других регионов России.

Основным достоинством работы является ее информативность и доказательная база, свидетельствующие об эрудиции и добросовестности авторов. Богатейший этнографический материал, основательная статистическая база, тщательно отобранная официальная документалистика, архивные и публицистические материалы и даже отрывки из поэтических произведений, удачно дополняющие научный стиль изложения яркими, выразительными образами, снабжены обилием иллюстраций и солидным списком цитируемых источников. Правда, смущает крайне скромная репрезентация в библиографии работ зарубежных коллег, вопреки признанию авторов, что «основные теоретические наработки по указанной проблематике были сделаны в западноевропейских и американских научных сообществах» (С. 13). Это несколько снижает продуктивность анализа вторичной литературы и свидетельствует о недостаточной интегрированности рецензируемого исследования в международный контекст миграционных исследований. Несмотря на это, монография представляет несомненный интерес как бесценный источник аутентичного материала для этнографов, историков, социологов и социальных антропологов, миграциологов и востоковедов, а также специалистов смежных дисциплин, интересующихся культурой народов Кавказа.

Следует отметить четкую, логичную структуру монографии, включающую предисловие, семь глав и послесловие.

В предисловии авторы анализируют классические теоретические подходы к изучению миграции, принятые в международной миграциологии. Однако, судя по ссылкам, складывается впечатление, что они знакомы с ними не по первоисточникам, пусть даже переводным, а по упоминаниям в работах коллег, либо отечественных, либо весьма устаревших зарубежных. Во всяком случае, ссылки на работы, представляющие наиболее известные миграционные теории, практически отсутствуют, но даже там, где они указаны, не все внесены в библиогра-

фический список, как, например, ссылка на работу Hesse-Biber (1981) на с. 19.

Указанная проблема, к сожалению, является весьма распространенной на постсоветском пространстве и частично имеет свои объективные причины в связи со сложностью доступа к научной литературе на иностранных языках и даже к переводным источникам. Тем не менее для представителей одного из наиболее крупных и уважаемых научных центров СНГ, имеющего прочные академические связи с западно-европейским научным сообществом уже в силу своих географических преимуществ и исторической традиции, такое упущение представляется неоправданным.

По-видимому, недооценкой авторами достижений международной миграциологии можно объяснить и отсутствие в перечне анализируемых ими теоретических подходов к анализу миграции таких основополагающих аналитических парадигм, как системный подход [Hoffman-Nowotny 1970; Mabogunje 1972], теория зависимого развития [Cockcroft, Frank, Johnson 1972; Baran 1973], исследование миграционных потоков с точки зрения глобальных городов [Friedman, Wolff 1982; Sassen 1991; Friedman 1995] и с позиций миграционных сетей [Faist 1997; Massey et al. 1998] и др. Даже если авторы предпочли не упоминать эти подходы по причине несогласия с ними, такую позицию все равно нельзя считать оправданной, поскольку в этом случае логично было бы представить данные направления как возможные подходы к анализу миграционных процессов, но при этом обосновать причины несогласия с ними или их неприемлемости для собственного исследования авторов.

Кроме того, хотя авторы указывают, что избрали антропологический (т.е. дисциплинарный) ракурс изучения заявленной научной проблемы в его социальном и культурном аспектах, они не уточняют, какая именно из проанализированных аналитических парадигм легла в основу данного исследования, каковы его исходные теоретические посылки, основная цель и научная гипотеза в рамках принятой концептуальной позиции. Также в предисловии логично было бы более подробно остановиться на презентации методологической базы исследования, не ограничиваясь кратким упоминанием банальной истины, что «методика этнографического исследования, заключающаяся главным образом в интервьюировании конкретных людей и получении жизненных историй, а также преимущественно в отказе от количественных материалов как основных, предполагает взгляд на мигранта как на самостоятельно действующего индивида, выбирающего для себя

переселение или сезонные работы в качестве возможности поиска лучшей жизни в заданных условиях» (С. 19). Конкретизация вышеназванных положений не только придала бы исследованию большую целенаправленность и целостность, но и предоставила бы основания для более четкой формулировки его выводов, которые в работе имеют весьма аморфный характер (об этом ниже). Представляется, что монография значительно выиграла бы, если бы содержала четкое определение концептуальной базы исследования, неукоснительно ей следовала на протяжении всей работы и в заключение представила синтез изложенной информации в подтверждение или опровержение ранее выдвинутой гипотезы. Без этого она производит впечатление хроники описательно-иллюстративного характера, что снижает безусловную научную ценность полученных авторами результатов.

Изложение основного содержания работы построено по хронологическому принципу — от «предыстории основных событий» (гл. 1) и «начала больших перемен» (гл. 2) до «времени больших свершений» (гл. 3), описания «современного горного аула» (гл. 4) и анализа процесса миграции его населения на заработки (гл. 5–6) вплоть до выделения «зон и сфер напряженности» этого сложного и неоднозначного социального явления (гл. 7).

Послесловие к монографии представляет собой, по признанию авторов, «не совсем заключение, не резюме изложенного, но добавление к основному блоку информации и к сделанным выводам под впечатлением всего ранее высказанного» (С. 409). В нем затрагивается весьма щекотливый аспект миграционной политики: ее соотносимость с колониальной политикой. В силу этого неудивительно, что она вынесена в послесловие, т.е. «за скобки». Однако это не оправдывает отсутствие в монографии полноценного заключения, содержащего подведение итогов исследования. Без четких выводов как по отдельным главам, так и по книге в целом работа производит впечатление не вполне завершенной и создается ощущение, что на последней странице опущена фраза «продолжение следует», на что действительно хочется надеяться, учитывая актуальность поднятой в монографии темы и очевидную профессиональную преданность ей авторов.

При всех бесспорных достоинствах работы хотелось бы обратить внимание авторов на тот признанный в современной миграциологии факт, что мобильность и миграция имеют гендерную природу, поскольку гендер (социальный пол) оказывает влияние на основные аспекты этих процессов: их причины, характер, эффект и воздействие на мигрантов на всех уровнях,

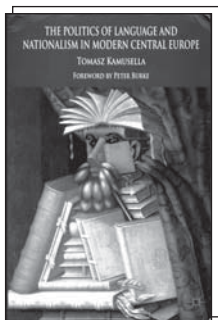
включая их субъективный опыт [Feminization of Migration 2007]. Из этого следует, что проведение анализа проблем миграции с учетом гендерного фактора является необходимым условием для понимания этого процесса как сложного социально-экономического явления, а также для осуществления эффективной политики в данной сфере. Следует отметить, что эмпирический материал рецензируемого исследования изобилует множеством примеров гендерного эффекта миграционно-го процесса в Дагестане, в частности изменения гендерных ролевых моделей, трансформации гендерного менталитета горцев, эмансипации женщин в результате адаптации к условиям жизни и работы на новом месте. Например, в главе 5 приводится характерный пример переключения привычных для сельчан-мигрантов поведенческих кодов отношения к понятиям «женская» и «мужская» работа на новые, диктуемые условиями миграционного промысла, в данном случае лукового бизнеса. «Работа в огородах — “копаться в земле” — издавна считалась в горном Дагестане женским делом. И сейчас мужчина, выполняющий какие-либо “женские” работы, подвергается насмешкам и осуждается общественным мнением. Однако на промысле отношение к этому меняется. <...> В итоге под воздействием экономической необходимости, а главным образом из-за выпадения из сельской системы принцип “мужских” и “женских” работ на месте промысла размывается» (С. 209). При этом практика сезонных промыслов порой упоминается в контексте «эмансипации горянок» (С. 210). Однако этот аспект не получил должной концептуализации в работе, что существенно обедняет полученный результат исследования и следующие из него выводы. Так, в заключении к главе 5 (С. 211) после анализа интервью, свидетельствующего о гендерно-либерализационном влиянии миграционного опыта как на женщин, так и на мужчин, авторы парадоксальным образом приходят к «гендерно слепому» выводу, что «трудовая миграция позволяет превратить рутинный сезонный сам по себе не престижный труд в соревнование, игру, *достойную мужчины*» (выделено мною. — А.Т.). При этом эмансипационный эффект миграции для женщин-горянок не упоминается как ее очевидное и важное следствие. Поэтому работа значительно выиграла бы, если бы авторы уделили более пристальное внимание концептуальному осмыслению гендерных аспектов миграционного процесса в Дагестане и отразили свои наблюдения в основных выводах исследования.

Хотелось бы подчеркнуть, что все высказанные здесь замечания являются всего лишь пожеланиями авторам на будущее и ни в коей мере не умаляют достоинство проделанной ими поистине грандиозной работы.

Библиография

- Baran P.* On the Political Economy of Backwardness // C.K. Wilber (ed.). The Political Economy of Development and Underdevelopment. N.Y.: Random House, 1973. P. 82–93.
- Cockcroft J.D., Frank A.G., Johnson D.L.* Dependence and Underdevelopment. N.Y.: Anchor Books, 1972.
- Faist T.* The Crucial Meso-Level // T. Hammer, G. Brochmann, K. Tamas, T. Faist (eds.). International Migration, Immobility and Development. Oxford: Berg Publishers, 1997. P. 187–217.
- Friedman J.* Where We Stand: A Decade of World City Research // P.L. Knox, P.J. Taylor (eds.). World Cities in a World System. Cambridge: Cambridge University Press, 1995. P. 21–47.
- Friedman J., Wolff G.* World City Formation, an Agenda for Research and Action // International Journal of Urban and Regional Research. 1982. No. 6. P. 309–344.
- Hannam K., Sheller M., Urry J.* Editorial. Mobilities, Immobilities and Moorings // Mobilities. 2006. No. 1. Issue 1. P. 1–22.
- Hoffman-Nowotny H.J.* Migration. Stuttgart: Verlag F. Enke, 1970.
- Mabogunje A.L.* Man, Space and Environment. N.Y.: Oxford University Press, 1972.
- Massey D., Arago J., Hugo G., Kouaouci A., Pellegrino A., Taylor J.E.* Worlds in Motion: Understanding International Migration at the End of the Millennium. Oxford: Oxford University Press, 1998.
- Sassen S.* The Global City: New York, London, Tokyo. Princeton: Princeton University Press, 1991.
- Sheller M., Urry J.* The New Mobilities Paradigm // Environment and Planning. 2006. No. 38. P. 207–226.
- Urry J.* Sociology Beyond Societies. Mobilities for Twenty-First Century. L.: Routledge, 2000.
- Feminization of Migration. Working Paper 1. Santo Domingo: UN-INSTRAW, 2007.

Алиса Толстокурова

Tomasz Kamusella. *The Politics of Language and Nationalism in Modern Central Europe.* Houndmills; N.Y.: Palgrave Macmillan. 2008; 2012. xxviii + 1140 p.

Эту книгу легко читать, потому что она написана исключительно ясно, и очень сложно рецензировать — прежде всего из-за ее объема. Действительно, сколько страниц текста нужно написать, чтобы подробно отрецензировать почти тысячу двести страниц печатного текста, посвященного двум последним векам истории Центральной Европы сквозь призму языковой политики четырех стран? Тысячи имен, дат и названий, колоссальное количество информации, библиография, занимающая почти 60 страниц... Как не без юмора написал Бернард Спольски (Bernard Spolsky) в своей рецензии на эту книгу в журнале “Language Policy”, «мы должны быть признательны <...> издательству “Palgrave Macmillan” за публикацию книги, в которой больше страниц, чем мне было уделено слов, чтобы ее отрецензировать».

Можно, конечно, просто сказать, что перед нами хорошая книга — но этого вряд ли достаточно для рецензии. Да, это исключительно полезный справочник для любого, кто занимается историей европейской политики или социолингвистическими аспектами этой политики, и совершенно справедливо написал Тимоти Снайдер (Timothy Snyder) в своей рецензии в “Times Literary Supplement”, что эта монументальная книга — замечательная история европейской языковой политики и что «каждый чинов-

ник Евросоюза и каждый сотрудник неправительственных организаций, работающих в восточной части Центральной Европы, должен иметь возможность обращаться к этой книге, и каждый аспирантский семинар по национализму в этом регионе должен начинаться с нее».

Впрочем, задача рецензента облегчается тем обстоятельством, что книга исключительно просто, ясно и последовательно построена. Это дает возможность, не вдаваясь в детали, просто познакомить читателя рецензии со структурой и основными идеями данной книги, а подробности двухвековой истории четырех центрально-европейских стран оставить за скобками.

Начну с автора. Томаш Камуселла преподает историю Центральной Европы в университете Сент-Эндрюс в Великобритании, специализируется по вопросам языковой политики, национализма, этничности и европейской интеграции. Он автор нескольких книг по этим вопросам. Рецензируемая книга, по-видимому, то, что принято называть «труд всей жизни», по крайней мере труд последних десяти лет: с 2002 г. автор работал над этой книгой, собирая материал в библиотеке Европейского университетского института во Флоренции, в Центре Дж.В. Клоге в Библиотеке Конгресса в Вашингтоне, в Институте гуманитарных наук в Вене и в Институте Гердера в Марбурге. Автор пользовался только опубликованными источниками, поскольку, как он сам пишет, даже поверхностный просмотр архивов Чехии, Польши, Венгрии и Словакии на предмет выявления имеющих отношение к делу документов потребовал бы всей жизни (Р. хxi).

Многое из того, что хотелось бы сказать об этой книге, уже сказано — точно и кратко — в замечательном предисловии Питера Бёрка. Несколько цитат из этого предисловия:

«Исследователи национализма — не важно, историки, социологи или политологи — давно осознают важность языковой политики <...> В свою очередь лингвисты давно осознают важность языка для развития национализма. И, тем не менее, несмотря на потенциальную важность обеих областей знания, существует относительно немного исследований политики в отношении конкретного языка в конкретный период истории. Проблема в том, что, говоря в целом, лингвисты недостаточно знают политическую историю, чтобы взяться за эту работу, а специалисты по политической истории неуверенно чувствуют себя в лингвистике.

Томаш Камуселла принадлежит к тому все реже встречающемуся типу ученых, которые свободно чувствуют себя более чем

в одной области знаний. Этой книгой он делает значительный, воистину монументальный вклад в научный обмен между историками и лингвистами (не говоря уж о политологах). <...> Основная цель автора — представить исторические примеры, преимущественно двух последних столетий, когда языки оказались особенно тесно переплетены с политикой, на четырех языках (польский, венгерский, чешский и словацкий), которые выбраны не только из-за языковой компетенции автора, но и потому, что, как он пишет, “языки более политизированы в Центральной и Восточной Европе, чем где бы то ни было еще”. <...> При этом следует заметить, что центральная часть книги — это не просто case studies или параллельные истории отношений языка и политики. Книга не только описывает, но и анализирует, используя такие приемы, как сравнение и противопоставление, чтобы показать, как политические идеи и события, прежде всего национализм и приход к власти коммунистических режимов в 1945 г., воздействовали на языки. И наоборот, Камуселла показывает, как возрождение письменности на местных языках способствовало росту национализма» (Р. xi—xii).

Иными словами, Томаш Камуселла взялся за очень сложную и очень важную тему, вложил в работу уйму времени и труда и написал очень интересную и очень полезную книгу.

В этой книге четыре части. Первая, не имеющая собственного названия и состоящая из предисловия и трех больших разделов (1. Введение; 2. Язык в Центральной Европе: общий обзор и 3. Более широкий языковой и культурный контекст Центральной Европы), — это по сути дела самостоятельная книга объемом около 360 страниц, вписывающая интересующие автора проблемы в более широкий исторический и географический контекст. Географически эта часть охватывает территорию распространения языков, тем или иным образом влиявших на ситуацию в Центральной Европе: от русского и армянского до греческого и идиш, от тюркских (гагаузский, татарский, караимский) до балканских (албанский, болгарский, македонский...). Исторически раздел охватывает период от средневековой латыни и церковнославянского до конца XVIII столетия. Здесь собраны, таким образом, сотни фактов истории государств Центральной Европы, территориальных споров между ними (и их соседями), истории бесчисленных разделов и слияний, объединений и размежеваний, войн и восстаний... Взятые вместе, эти факты образуют тот «загрунтованный холст», на котором, по мысли автора, должно быть написано батальное полотно языковой политики в четырех странах Центральной Европы за две сотни лет.

В этом же разделе автор формулирует свое *credo*. Вот характерная цитата:

«Национально-ориентированные лингвисты приспособливают свои идеи относительно языка к нуждам политиков и тех, кто принимает решения, а политологи и историки озабочены анализом и фиксацией тех политических перемен, которые осуществляются на основе языка. В этом разделении труда историки и политологи склонны трактовать соображения лингвистов относительно языка как “черный ящик”, полагая, что последние объективно и честно описывают факты языковой реальности без какой-либо предвзятости. Так, когда лингвисты приходят к выводу, что “боснийский язык, имеющий столетнюю историю, несомненно существует и в основе своей отличается от сербского” или что “существуют ясные свидетельства того, что словацкий диалектный ареал включает три различных, хотя и родственных диалекта”, историки и политологи обычно принимают подобные утверждения как данность, не требующую дальнейшего анализа. В свою очередь лингвисты также трактуют “базовые нарративы” (master narratives) историков как “черный ящик”. Они не подвергают сомнению анахронистическую манеру говорить о Священной Римской Империи как о ранней форме “Германского национального государства”, о Великой Моравии как о “первом словацком национальном государстве”, о польско-литовском государстве как об “истинно польском национальном государстве”, о Королевстве Богемия как о “раннем чешском национальном государстве” или о Руси как о “начале русского национального государства”. В результате очень часто соображения лингвистов о национальных языках оказываются неоспоримым окончательным доводом, подкрепляющим любимые националистические теории в “базовых нарративах” историков, и наоборот. Артефакты, создаваемые лингвистами и историками, хотя они весьма косвенно (или чисто номинально) соотносятся с языковой реальностью или с историческими событиями, оказывают формирующее воздействие на социально-политическую реальность этнолингвистических национальных государств Центральной Европы, возможно, в большей степени, чем где-либо в мире» (Р. xiv).

Эти и многие другие «артефакты», творимые национально-ориентированными учеными, — основная мишень, по которой без устали бьет автор рецензируемой книги. На первых ста страницах читатель найдет множество примеров этому. Так, Камуселла отвергает британский стереотип «балканизации» или немецкий стереотип “Kleinstaaterei” (по-русски обычно переводится как «партикуляризм, расчленение страны на малые государства») как «ничего не объясняющие» и «поддержи-

вающие миф об особости Центральной Европы по сравнению с Западной» (Р. 5–6). Он справедливо пишет, что «переписи не столько “измеряют”, сколько создают центрально- и восточно-европейские нации» (Р. 10). Он показывает, какими неочевидными и далеко не прозрачными являются сами понятия «языка» и «нации» (Р. 23–29). Он убедительно демонстрирует необоснованность того, что удачно называет «нормативным изоморфизмом языка, нации и государства» (Р. 29–61 *passim*). И многое другое.

Сошлюсь еще раз на мнение Тимоти Снайдера: «В этой книге бессчетное число обоснованных утверждений, и она успешно развенчивает огромное количество глупостей».

Вторая часть книги, которая называется «Часть I. Центрально-европейская политика и языки в долгом XIX в.», занимает около 200 страниц и включает четыре раздела (4. Случай Польши¹; 5. Случай Венгрии; 6. Случай Чехии и 7. Случай Словакии). В этой части автор показывает, каким именно образом национальные движения в четырех странах в XIX столетии использовали языковые аргументы для обоснования и продвижения своих национальных проектов и как в свою очередь этот процесс формировал четыре национальных языка. Камуселла обстоятельно показывает, как национализм, который в начале XIX в. был «уделом политических неудачников», постепенно одерживал верх в европейской политике, пока наконец после Первой мировой войны все политические образования Центральной Европы не превратились в национальные государства, «с единственным исключением Вольного города Данцига-Гданьска» (Р. 366). Эти государства довольно решительно проводили в жизнь политику гомогенизации своего населения, твердо веря в то, что Камуселла называет «этнолингвистическим вариантом национализма».

Одновременно Камуселла не обходит вниманием и противоположные процессы, а именно — процессы формирования и поддержания дву- и многоязычия. Пожалуй, наиболее яркая история этого типа — рассказ об обычае обмена детьми в приграничных областях Венгрии, прежде всего в области Посони (когда-то графство в Венгерском королевстве, сегодня часть западной Словакии). Здесь издавна бытовали четыре языка: немецкий, словацкий, хорватский и мадьярский (венгерский), что затрудняло повседневную коммуникацию. Столкнувшись с этой проблемой, горожане и крестьяне выработали соб-

---

¹ Здесь и ниже я сокращаю названия разделов, на самом деле они более детальные, например, раздел 6 называется “The Czech Case: From the Bohemian Slavophone Populus to Czech Nationalism and the Czechoslovak Nation”.

ственное решение: возник обычай отправлять своих детей на несколько месяцев пожить у друзей и знакомых, где дети имели возможность освоить домашний язык семьи. В результате все дети к моменту взросления оказывались четырехязычными, хотя часто и не умели писать ни на одном языке, поскольку не ходили в школу. Эта система просуществовала вплоть до Первой мировой войны, а отдельные ее элементы — до 1960-х гг. (Р. 465).

Третья часть названа «Часть II. Национализм и языки в коротком XX в.», занимает примерно 330 страниц и включает также четыре раздела (8. Польская нация; 9. Венгерская нация; 10. Чешская нация и 11. Словацкая нация). В этой части автор демонстрирует, как сложившиеся к 1918 г. в Центральной Европе «этнолингвистические национальные государства» (ethnolinguistic nation-states) менялись и развивались на протяжении XX столетия.

Переход к национализму как «единственному принципу легитимизации государства» (Р. 569) происходил медленно, на протяжении большей части XIX в. Значимыми вехами этого процесса было образование Итальянского королевства (1861) и Германской империи (1871) как этнолингвистических национальных государств. Страны, победившие в Великой войне, ведомые Вудро Вильсоном, отстаивали принцип национального самоопределения как основной принцип, на базе которого следовало пересмотреть государственные границы в Центральной и Восточной Европе. Камуселла обстоятельно показывает, как этот принцип был реализован в Польше, Венгрии и Чехословакии в период между двумя войнами, как две европейские силы — нацистская Германия и коммунистическая Россия — разыгрывали национальную карту везде, где это было им выгодно, и какое воздействие на дальнейшее укрепление национализма оказал распад Советского Союза. Введение к этой части автор заканчивает следующим образом: «В конце концов, какой другой идеологией легитимизации государственности можно было бы заменить национализм?.. Пока что такой готовой и общепризнанной замены не видно» (Р. 572).

Наконец, последняя часть книги, заключение, занимает примерно 50 страниц и состоит из двух разделов, названия которых почти буквально повторяют названия части I и части II. Здесь автор подводит итоги своей книги, коротко пересказывая основные положения и выводы ее главных частей.

Последние 200 страниц книги занимают примечания, библиография, указатель и замечательный отдельный «Указатель словарей», который заслуживает специального упоминания: он

занимает 12 страниц, организован по языкам и включает сведения обо всех словарях этих языков, толковых, двуязычных, этимологических, фразеологических и многих других, главным образом XIX и XX вв., но в отдельных случаях и более ранних.

Повторюсь: рецензируемая книга — это монументальная история четырех стран Центральной Европы, взятая в широком географическом и историческом контексте и написанная через призму языковой политики. Ее можно читать подряд, но можно использовать и как исчерпывающий справочник: ясная структура книги и добротные указатели предоставляют такую возможность.

Что касается недостатков книги, то они, как водится, продолжения ее достоинств. Во-первых, в тексте такого объема неизбежны длинноты и повторы. Содержательные, информативные части перемежаются вставками, связками, склейками, зачастую повторяющими уже сказанное или просто недостаточно информативными — вроде неторопливого и вполне популярного пересказа общеизвестных идей относительно причин языковой дивергенции (возникающей в результате длительного изолированного существования человеческих коллективов) или роли письменности в формировании государств, наций и империй. Для иллюстрации каждого тезиса автор подбирает многочисленные примеры; так, вполне очевидный тезис, что каждое вновь созданное государство стремится иметь единый язык, подкрепляется многочисленными примерами из Центральной Европы и не только. Это, безусловно, верно, но нуждается ли этот тезис в таких подробных доказательствах?

Есть еще один аспект книги, который может считаться ее недостатком. Сосредоточившись на Центральной Европе, детально описывая проблематику «языка и политики» в четырех странах региона, автор, на мой взгляд, преувеличивает уникальность этого региона. Он полагает, что именно в Центральной Европе феномен политизации языка сегодня выступает наиболее выпукло (Питер Бёрк также обратил внимание на это обстоятельство, подчеркнув в своем предисловии тезис Камуселла «языки более политизированы в Центральной и Восточной Европе, чем где бы то ни было еще»). Однако после принятия в 1992 г. Европейской хартии по миноритарным и региональным языкам и после того, как многие европейские страны (хотя и не все) ратифицировали этот документ (Норвегия — в 1993 г., Финляндия — в 1994 г., Венгрия — в 1995 г., Германия — в 1998 г. и так далее), политизация языковых проблем начала ярко проявляться и в Западной Европе. Достаточно вспомнить историю с торнедалским финским в Швеции, или с квенским финским в Норвегии, или с окситанским и арпитанским

во Франции, или с лужицкими (сорбскими) языками в Германии, чтобы в этом убедиться. Все эти случаи более или менее повторяют историю «кашубского языка», которой Камуселла уделяет некоторое внимание в своей книге (см. р. 635–637 и др.); правда, я почему-то не нашел в книге ни имени известного кашубского просветителя Яна Трепчика (*Jón Trepczik* или *Jan Trepczyk*), ни упоминания о его «Польско-кашубском словаре». Автор, конечно, прав, утверждая, что для Центральной Европы эти проблемы очень остро стояли в период между двумя войнами, т.е. как раз тогда, когда в Западной Европе в этом отношении наблюдалось некоторое затишье и казалось, что эти проблемы решены навсегда, однако для начала XXI в. ситуация выглядит иначе, и кажется, что период языковой (а следовательно, и политической) нестабильности у Западной Европы снова оказывается впереди.

Судя по тому, что книга Томаша Камуселлы, вышедшая в 2008 г. в твердой обложке, переиздана в 2012 г. в мягкой, она пользуется большим спросом. Это неудивительно: мало какой регион мира может похвастаться столь подробным и тщательным описанием, одновременно историческим и лингвистическим, мало где вопросы языковой политики и политики национализма, их неразрывная связь и взаимовлияние описаны так четко. Можно только позавидовать студентам университета Сент-Эндрюс, у которых есть такой замечательный преподаватель истории Центральной Европы, и всем остальным студентам-историкам, изучающим этот регион, получившим с выходом рецензируемой книги превосходный, подробный и современный по концепции учебник по этому предмету.

Николай Вахтин

Д.Д. Тумаркин. *Белый папуас.* Н.Н. Миклухо-Маклай на фоне эпохи. М.: Восточная литература, 2011. 623 с.

Посвящается 125-летию со дня смерти Н.Н. Миклухо-Маклая

Автор рецензируемой книги — Даниил Давыдович Тумаркин, доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН, крупнейший отечественный специалист по этнографии и истории народов Океании. Кроме этого, уже полвека он изучает жизнь и деятельность Николая Николаевича Миклухо-Маклая, опубликовал десятки работ о путешественнике, в 1971 и 1977 гг. был начальником этнографических отрядов экспедиций на научно-исследовательском судне «Дмитрий Менделеев», в ходе которых занимался полевыми исследованиями на Берегу Маклая (Новая Гвинея) и других островах Океании, наконец, с 1985 г. являлся ответственным редактором последнего, завершено в 1990–1999 гг. академического собрания сочинений Н.Н. Миклухо-Маклая в шести томах.

Автор определил жанр своей книги как «документальное повествование» (С. 291) и действительно в течение десятилетий работы над этой темой собрал богатейший материал. Это и огромная литература о Миклухо-Маклае, и опубликованные о нем источники, и журнально-газетная периодика, появившаяся как в России, так и во многих других странах на основных европейских

Борис Николаевич Комиссаров
Санкт-Петербургский
государственный университет /
Российский государственный
педагогический университет
им. А.И.Герцена,
Санкт-Петербург
boris.komissarov@gmail.com

языках. Однако источниковое новаторство Д.Д. Тумаркина состоит, и это, пожалуй, главное, в том, что он скрупулезно обследовал десятки отечественных и зарубежных архивов, рукописных отделов библиотек и музеев, существенно обогатив маклаеведение как одну из бесчисленных отраслей, посвященных деятелям мировой истории научного знания.

Помимо Архива Русского географического общества и Петербургского филиала Архива РАН, где хранится основная часть наследия путешественника, автор привлек документы многих других отечественных архивохранилищ: Российского государственного исторического архива, Центрального государственного исторического архива Санкт-Петербурга, Российского государственного архива Военно-морского флота, Государственного архива Российской Федерации, Российского государственного архива древних актов, Архива внешней политики Российской империи Историко-документального департамента МИД РФ, отделов рукописей Российской государственной и Российской национальной библиотек, а также Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН, отдела письменных источников Государственного исторического музея, Краеведческого музея в г. Боровичи Новгородской области, наконец, Архива Института этнологии и антропологии РАН и материалы своего личного архива. Используются документы и ряда зарубежных архивов: на Украине — Государственного архива Черниговской области, в Германии — Германского центрального архива в Потсдаме, Архива Германской Академии наук в Берлине, университетских архивов в Лейпциге и Йене, йенского Архива Дома Эрнста Геккеля, Издательского архива географо-картографического заведения Германа Хаака в Готе, в Италии — Архива зоологической станции в Неаполе, в Великобритании и Франции — материалы Британской (Лондон) и Национальной (Париж) библиотек, в Австралии, в Сиднее, — архивы местного университета, Австралийского музея, Нового Южного Уэльса, материалы Митчелловской библиотеки; в Брисбене — Квинслендского государственного архива. Не будет преувеличением утверждать, что Д.Д. Тумаркин ныне наиболее осведомленный маклаевед в мире.

Отдавая должное основательности источниковой базы монографии, следует все же отметить одну существенную неточность в области теоретического осмысления собранных данных. В предисловии Д.Д. Тумаркин указывает, что он основывался «на архивных материалах и других первоисточниках (документальных публикациях, мемуарах современников, газетах и журналах того времени и др.)» (С. 3). Между тем согласно теории источниковедения первоисточником является

лишь источник, возникающий в результате непосредственного отражения действительности в сознании его автора. Другими словами, только последнее может быть единственным посредником между первоисточником и действительностью. Любой другой источник или источники, оказавшиеся в этом пространстве, лишают первоисточник его, так сказать, «первородства». Собственно, подлинный смысл источниковедческой практики состоит как раз в том, чтобы с помощью разнообразных методик попытаться добраться до первоисточника, распознав все другие источники, заслоняющие авторское сознание. Поэтому приведенные автором монографии примеры изученных им материалов никак не могут быть признаны первоисточниками в строгом смысле этого термина. Каждый источник в документальных публикациях нуждается в специальном исследовании на предмет признания его первоисточником, мемуары — сложнейший комплексный источник, который может быть основан на документах разных видов, разрядов, родов и даже типов, газеты и журналы — не более чем форма публикации самых разных материалов, а архивы — лишь место, где последние хранятся, что никак не определяет ни их содержания, ни его соответствия запечатленной в них реальности.

Богатство и разнообразие собранного автором материала способствовали успешному решению им ряда исследовательских задач. Он, безусловно, преодолел относительную узость и национальные рамки источниковой базы, характерные для всех его предшественников, и придал ей поистине мировой масштаб, исключил из своего текста недостоверные сведения и многочисленные фактические неточности, кочевавшие из работы в работу о путешественнике, наконец, попытался представить его образ на фоне широкого контекста современной ему эпохи, что было очень непросто, учитывая чрезвычайно интенсивную жизнь Н.Н. Миклухо-Маклая, побывавшего в бесчисленных географических пунктах нашей планеты и имевшего широчайший круг связей и знакомств. В то же время с реализацией одной, но весьма серьезной задачи, поставленной Д.Д. Тумаркиным в своей книге, мы согласиться не можем. Даниил Давыдович решительно выступил против идеализации и мифологизации своего героя, стремился, как признается сам, не преуменьшая его действительные заслуги, стереть с него «хрестоматийный глянец» (С. 3–4). И это настойчивое стремление автора неизбежно привело к известной противоречивости предпринятого им «документального повествования». Как честный исследователь и глубоко порядочный человек Д.Д. Тумаркин, с одной стороны, без каких-либо умолчаний детально прослеживает поистине фантастический

и в целом счастливый, но более чем тернистый жизненный путь Миклухо-Маклая, а с другой — верный своему ранее упомянутому намерению в противовес фантазерам, путаникам, просто невнимательно-беспечным биографам, интервьюерам, современникам, а также удушающей сталинской и фарисейской послесталинской пропаганде образа путешественника как борца с империалистической реакцией в области этнологии и антропологии пытается развенчать своего любимого героя, снизить значение его личности, на наш взгляд, не понимая несовместимости двух этих позиций.

Ни образ Миклухо-Маклая, ни его труды никак не связаны со сплетнями, легендами и мифами о путешественнике, слухами о нем или наветами на него, когда и в какой стране или части мира они ни появлялись бы. Николай Николаевич знал обо всем этом, разумеется, неизмеримо меньше, чем Даниил Давыдович. И это вполне закономерно: исследователь жизни героя знает о нем несравненно больше, чем сам герой. Стоило ли в начале второго десятилетия XXI в. так детально и настойчиво пытаться исследовать, как идеализировался, обрастал мифами и легендами (и какими именно) образ Миклухо-Маклая? Нам представляется, что делать этого не следовало. И вот почему.

Мы живем в беспрецедентно драматическое, но и в небывало интересное время, являемся свидетелями и участниками смены сред обитания. Уходит, и в значительной мере уже ушла, естественная, природная среда, и властно, непререкаемо, со всей неизбежностью ее замещает среда техногенная, руко-, а точнее, мозготворная, в широком смысле слова культурная. Ныне процент потребления человечеством продукции биоты таков, что есть все основания говорить, что оно находится уже в полосе приграничья между природной и техногенной средами. Техноген опасен для человечества и враждебен ему. При погружении в это постновое время уйдет в прошлое не многое, а все, в том числе креативный характер человеческой личности. Ясно, что упомянутый процесс следует затормозить и сделать подобное торможение максимально перманентным. По-рукой и настоящим знаменем в этом деле мог бы стать образ Н.Н. Миклухо-Маклая, как справедливо пишет автор, одного «из последних в истории мировой науки известных натуралистов широкого профиля, который не только поставил в центр своих исследований человека и проявления его культуры в рамках географической среды, но и активно работал в отраслях естествознания, непосредственно не связанных с этой проблематикой» (С. 563). По сути, Д.Д. Тумаркин косвенно в чем-то поддерживает нашу точку зрения. Анализируя статью о Миклухо-Маклае, написанную в 1882 г. известным французским историком и публицистом профессором Габриэлем

Моно, он цитирует последнего: «Этот человек не менее, а может быть, еще более интересен, чем его труды», — и отмечает, что приведенное «высказывание не только заслуживает пристального внимания, но и становится все актуальнее по мере того, как человечество отдаляется от эпохи, в которой жил и творил Маклай» (С. 434–435). Мы на стороне автора монографии, когда он честно повествует о трудах и днях Миклухо-Маклая, но не склонны одобрить совершенно незаслуженные критические стрелы, которые он пускает в своего героя. Обратимся, однако, к волнующей хронике жизни путешественника, хотя пользование рецензируемой монографией очень затрудняется отсутствием в ней именного указателя.

Судьба Миклухо-Маклая определялась его всепоглощающей страстью к науке и как средство ее удовлетворения — к путешествиям, которые растянулись на без малого четверть века, т.е. большую часть его жизни вообще и практически всю ее сознательную составляющую. «Откровенно говоря, путешественником нужно родиться», — заметил как-то современник героя книги и тоже знаменитый путешественник Н.М. Пржевальский. Путешествия Миклухо-Маклая продолжались со времени его проводов в Германию на Царскосельском (ныне — Витебском) вокзале Санкт-Петербурга в марте 1864 г. до возвращения с семьей в российскую столицу в июле 1887 г., за девять месяцев до смерти. Автор монографии, и спасибо ему за это, сделал все возможное, чтобы убедить своего читателя в могучей страсти Миклухо-Маклая к познанию неизведанного.

Однако эта страсть была до предела стеснена двумя роковыми, но, увы, неизбежными обстоятельствами — перманентными болезнями и неизбывной нуждой. Болезни отравляли жизнь Миклухо-Маклая с трехлетнего возраста, т.е. с весны 1849 г., до его последнего вздоха в клинике С.П. Боткина, составлявшей часть петербургской Военно-медицинской академии, 2 (14) апреля 1888 г., почти сорок лет. Нужда преследовала героя монографии со времени прибытия в Гейдельбергский университет весной 1864 г. и до смерти, т.е. по своей изматывающей продолжительности равнялась периоду его жизни в путешествиях. Обо всем этом Д.Д. Тумаркин, разумеется, пишет, но подобные сведения, рассеянные по многим страницам монографии, не сконцентрированы им в две грозные и тягостные реальности — «ученый и боль» и «ученый и нужда», способные по-новому осветить судьбу Миклухо-Маклая, показать двух смертельных врагов его страсти и их конечную победу над ней.

На наш взгляд, следовало бы четче расставить акценты при описании семьи путешественника. В ней явно преобладал не инженер-путеец Николай Ильич Миклуха, а его супруга

Екатерина Семеновна (урожденная Беккер). От отца Николай Николаевич (как и его любимая сестра Ольга) явно унаследовал художественные способности, а от матери — железную волю, жизненный стержень, придававший, несмотря на все трудности, его на первый взгляд хрупкой телесной конституции невероятную способность к сопротивлению неблагоприятным обстоятельствам. Однако психологическое сходство сына с матерью имело и другую сторону — оно привело сначала к ее известной холодности в отношениях с Николаем, а затем фактически к полному равнодушию к его судьбе.

Воспроизводя генеалогию рода Миклух, автор вслед за Н.Н. Миклухо-Маклаем, в 1887 г. тяжело больным и немощным, называет С.М. Миклуху прадедом путешественника (С. 6), тогда как он являлся его прапрадедом (С.М. Миклуха, прапрадед — С.С. Миклуха, прадед — И.С. Миклуха, дед — Н.И. Миклуха, отец). При описании атмосферы во Второй Санкт-Петербургской гимназии, куда поступил в 1859 г. Николай Миклуха, автор ошибочно ссылается на члена-корреспондента РАН Р.Ш. Ганелина, тогда как на самом деле автор книги «Очерки по истории средней школы в России второй половины XIX в.» его отец — Ш.И. Ганелин (С. 24, 569).

Учеба в России у Миклухи-Маклая, как говорится, не заладилась. Казарменные порядки в гимназии, которую он, кроме того, мало посещал из-за частых простудных заболеваний, изгнание из отделения естественных наук физико-математического факультета Санкт-Петербургского университета, где Николай не проучился и полгода, вынудили его выехать для получения высшего образования в Германию. Большой жизненной удачей Миклухо-Маклая стало то, что он не связал себя ни с одним из течений российского революционного движения, довольно быстро отошел от изучения философии в Гейдельбергском университете и после спада в 1864–1865 гг. антиправительственной волны в России занялся исключительно естественными науками на медицинском факультете Лейпцигского университета, а затем, уже более углубленно, на аналогичном факультете Йенского университета под руководством К. Гегенбаура (сравнительная анатомия) и Э. Геккеля (зоология). Участие в экспедиции последнего на Канарские острова в сентябре 1866 — феврале 1867 г. навсегда определило зоологические приоритеты Н. Миклухи — изучение губок и других низших гидробионтов, а также ихтиологию, тем более что учение Ч. Дарвина открыло тогда перед естествознанием необозримые перспективы.

Д.Д. Тумаркин, несомненно, прав, когда пишет, что естествен-но-научные труды Миклухо-Маклая ныне представляют инте-

рес главным образом для историков тех отраслей природоведения, которыми занимался путешественник (С. 563–564). И все же последний, совершив в марте — мае 1869 г. еще одну экспедицию, теперь уже на Красное море, безошибочно нашел ту единственную «дверь» в большую науку и ее ученое сообщество, которая не сразу и далеко не просто, но все же привела молодого зоолога к тогда еще не осознававшейся цели его жизни.

В годы учебы и первых экспедиций с зоологическими целями Миклухо-Маклай продолжал страдать от разных недугов. Так, каждодневное многочасовое микроскопирование привело его в Гейдельберге к боли в глазах, а затем последовали «легкий паралич левой стороны лица» (С. 56) и помещение в университетскую клинику. Во время экспедиций 1867–1869 гг. он постоянно недомогал, простужался, а по возвращении в Россию в 1869 г. на Волге впервые подвергся приступам малярии, которые в последующие двадцать лет стали практически постоянными.

Покинув Россию с пустым кошельком, Миклухо-Маклай за границей крайне скудно питался (чего только стоит сведение им дневного рациона к одному яйцу!), был неизменно вынужден чинить свою ветшавшую одежду и обувь, а также постоянно просить денег у матери и старшего брата Сергея. Екатерина Семеновна, к которой он обращался через сестру Ольгу, держала сына буквально на голодном пайке (С. 126). Экспедиционные расходы, естественно, требовали дополнительных средств, и Миклухо-Маклай, бывало, «застревал» в том или ином пункте своих маршрутов, ожидая финансовой помощи.

В 60-е гг. впервые четко проявилась одна из основных черт личности Миклухо-Маклая — его абсолютная самоотверженность, неукоснительное стремление добиваться своих научных целей, подвергая себя в случае необходимости любым лишениям, невзгодам, страданиям и даже ставя под угрозу саму жизнь. Он дважды обращался, сначала к немецкому географу и картографу А. Петерманну, затем к шведскому исследователю Арктики Н.А.Э. Норденшельду, с просьбой включить его в состав полярных экспедиций и, к счастью, получал отказ. Напрасно Д.Д. Тумаркин предположил, что в противном случае Миклухо-Маклай «возможно, был бы теперь известен не как этнограф и антрополог, первым начавший стационарное изучение коренного населения тропических стран, а как ученый-полярник, основавший первую научную станцию за Полярным кругом» (С. 86–87). Путешественника, с трудом переносившего даже климат российской столицы, в Арктике ждал бы только один конец — смерть, причем в самом ближайшем будущем.

Миклухо-Маклай предлагал свои услуги Норденшельду в качестве зоолога, но уже на первом этапе профессиональной деятельности Николая Николаевича стала привлекать не только эта область естествознания. На Канарских островах, в Марокко, Египте его интересы расширились за счет наблюдений над местным населением, его антропологическим обликом, нравами, обычаями, языками, материальной и духовной культурой. Выпускник медицинского факультета Йенского университета, он был хорошим анатомом, что открывало для него прямой путь в антропологию, а литературу по географии и этнографии ему еще предстояло штудировать. Автор монографии хорошо показывает зарождение дуальности интересов своего героя, которого стала привлекать не только живая Природа, тогда в ее низших проявлениях, но и Человек на первоначальных стадиях его развития, что привело впоследствии к исследовательскому объекту — Человек в Природе.

Однако где на карте Земли географически локализовать этот объект, иными словами — куда отправиться и кого там изучать? Миклухо-Маклай, как верно отмечает Д.Д. Тумаркин, обратил внимание на посвященную Новой Гвинее статью упоминавшегося Петерманна и работу К.М. Бэра «О папуасах и альфурах». То, что путешественник в конечном счете избрал для своих исследований Новую Гвинею, крупнейший в мире и тогда (в последней трети XIX в.!) оставшийся неизученным тропический остров с его папуасским населением, жившим в каменном веке, стало его огромной удачей. Причем он фактически осуществил задуманное буквально накануне вторжения туда европейских колонизаторов.

Но одно дело избрать Новую Гвинею полем своих научных изысканий и совсем другое — официально до нее добраться, для чего следовало получить разрешение российских властей и добиться отправки туда специального судна. История этого поистине феноменального и, как нам представляется, просто фантастического предприятия исследована Д.Д. Тумаркиным весьма основательно и убедительно для читателя. Важнейшую роль в организации маклаевских экспедиций на Новую Гвинею сыграло основанное в 1845 г. и возглавлявшееся до 1892 г. вел. кн. Константином Николаевичем Русское географическое общество (РГО). В ту пору оно было тесно связано с царствующим домом Романовых, правительством и, в частности, министерством иностранных дел. Основной задачей РГО являлось исследование территории Российской империи и сопредельных с ней стран.

Обратившись в РГО, Миклухо-Маклай сделал упор на изучении им северной части Тихого океана, омывающего берега

России. О Новой Гвинее речь, разумеется, не шла. Экспедиция под эгидой РГО в Северную Пацифику была поддержана теми, кто был крайне не доволен продажей в 1867 г. Россией Аляски Соединенным Штатам Америки (Н.В. Каульбарс, Ф.Р. Остен-Сакен и некоторые другие). Таких было, конечно, меньшинство: продажа Аляски, пусть и за символическую плату, после проигранной Крымской войны и перспективы территориальных приращений России на юге, при крайне неодобрительном на это взгляде из Лондона, являлась закономерным и необходимым шагом. Строители и охранители Российской империи были людьми образованными, адекватными занимаемому ими положению, т.е. вдумчиво-осторожными, и понимали, что любой другой вариант утраты Россией Аляски станет крайне нежелательным. Таким образом, тихоокеанский проект Миклухо-Маклая получил поддержку даже после того, как путешественник открыл свое намерение начать с изучения Новой Гвинеи, которая, естественно, не имела к России никакого отношения. Впрочем, через несколько лет он все же обещал РГО отправиться на тихоокеанский север, что, конечно, не осуществилось и не могло произойти при ухудшавшемся состоянии здоровья Николая Николаевича. Так что продажа Аляски помогла герою книги: между интересовавшим его регионом и Россией стали курсировать по решению правительства российские военные корабли.

Тропическая эпопея Миклухо-Маклая продолжалась примерно 17 лет. Из них более трех лет он в общей сложности провел среди папуасов Новой Гвинеи, а также посещал многие другие острова Океании, в частности Меланезии, бывал в Индонезии, Сингапуре, Южном Китае, Таиланде, на Филиппинах, исследовал полуостров Малакка, долго жил в Австралии. В феврале 1882 — январе 1883 г. и в апреле 1886 — марте 1887 г. путешественник возвращался в Россию и Западную Европу. В Новой Гвинее и других пунктах своих сложных маршрутов Миклухо-Маклай вел чрезвычайно интенсивные антропологические и этнографические исследования и естественно-научные и землеведческие наблюдения, касавшиеся едва ли ни дюжины разных научных дисциплин.

Превосходно зная маршруты путешественника и весь корпус его текстов, рисунков, коллекций, Д.Д. Тумаркин нарисовал впечатляющую картину деятельности своего героя в 1870—1887 гг. Эти разделы монографии производят сильное впечатление и наиболее удачны. Путешествия в Новую Гвинею и другие сопредельные регионы выявили и кристаллизовали лучшие черты личности Миклухо-Маклая как человека и ученого-исследователя. Отвага и самоотверженность путешественника проявились там в высочайшей степени. При первом знаком-

стве с папуасами он, как известно, ввиду возбужденно-угрожающей вооруженной толпы расстелил у входа в их селение циновку, улегся на ней спать (рассудив, что умереть во сне лучше) и, что кажется невероятным, действительно на два часа заснул, а пробудившись, увидел аборигенов вполне успокоившимися. Николай Николаевич «пропускал мимо ушей» предостережения своего друга папуаса Туя, что, если он не будет убит сразу после отплытия доставившего его впервые на Новую Гвинею российского корвета «Витязь», то уж точно после того, как умрут двое его нанятых по пути к месту высадки слуг, за которыми, кстати, ввиду их физического нездоровья и психического состояния, путешественник ухаживал много больше, чем они помогали ему. Перед исследованием в марте 1879 — январе 1880 г. островов Меланезии Миклухо-Маклай письменно оговорил условие: если он погибнет по вине аборигенов, чтобы их за это не наказывали.

Оказавшись один на один с новогвинейскими папуасами, жившими, как впоследствии считалось, на Берегу его имени, никогда не общавшимися с пришельцами из цивилизованного мира и производившими всю свою утварь и оружие только из камня, кости и дерева, путешественник проявил не только беспримерную смелость, но и хладнокровие, такт и терпение, аскетизм и стоицизм, умение находить единственно верный выход из затруднительных ситуаций, изобретательность и актерские способности. Все эти черты носят не декларативный характер, а подтверждаются автором монографии конкретными данными. Склонный к работе в одиночку, как правило, на стационарном месте, но нередко и передвигаясь по разнообразным маршрутам, Миклухо-Маклай собрал колоссальный материал антропологического и этнографического характера. В своих дневниках, статьях, письмах, проектах, лекциях он выступал как убежденный, более того, страстный сторонник единства человечества, равенства рас, взаимопонимания между их представителями, не исключая из этого всемирного перечня и самые отсталые в культурном отношении племена, которые, по его мысли, нуждались в защите от какого бы то ни было насилия, обращения в рабство и прочего произвола колонизаторов.

Вся эта работа шла на неизменном фоне в лучшем случае недомоганий, а чаще — простуд и приступов лихорадки. Еще на «Витязе», в январе 1871 г., путешественник простудился на островах Зеленого Мыса, больным он чувствовал себя и при выходе корвета из Вальпараисо (Чили) в Тихий океан (С. 176), то же состояние сохранялось и 27 сентября 1871 г., в день ухода судна с места его высадки (С. 201). Тропический рай оказался сродни аду. Первый сильный приступ малярии ученый перенес

11 октября 1871 г. Затем в декабре этого же года и январе следующего приступы следовали один за другим, сопровождаясь бредом, галлюцинациями, опуханием конечностей. Хинин лишь смягчал отдельные припадки, редко предотвращая их, при этом его прием сопровождался болью в ушах и временной глухотой (С. 211). Миклухо-Маклаю приходилось постоянно преодолевать себя, мобилизовывать в экстремальных ситуациях скрытые резервы организма, жить в условиях максимальной напряженности сил. По прошествии года со времени высадки с «Витязя» хижина, построенная матросами корвета для Маклая, стала разваливаться. Из двенадцати пар обуви не осталось ни одной целой, которая могла бы прикрыть раны, образовавшиеся на ногах. Один из слуг умер, другой терял рассудок (С. 231).

Приступы или, как тогда говорили, пароксизмы малярии не прекращались до самой смерти путешественника. С наибольшей силой они проявлялись летом и осенью 1872 г., в марте, апреле и ноябре 1873 г., в январе, апреле, мае и июле 1874 г., сопровождаясь рожистым воспалением на лице и голове и перемежаясь с так называемой лихорадкой денге (от искаженного англ. dandy — франт), приводящей не только к собственно припадкам, но и к мышечным, головным и другим болям, сыпи, специфической раскачивающейся, «франтоватой» походке. Пароксизмы малярии, опухоли ног, воспаление правой ступни от укола через обувь шипом растительного происхождения изводили путешественника весь 1875 г. На его исходе, 23 ноября, он писал известному немецкому патологу Р. Вирхову о своих страданиях от малярии, невралгии тройничного нерва, анемии (С. 328). Во время второго плавания к новогвинейскому берегу, получившему впоследствии его имя, ученый отмечал у себя «лихорадку в форме сильнейшей невралгии», «гиперемию печени», «тумор селезенки» (С. 332), в конце пребывания там его крайне беспокоили тройничный нерв и язвы на теле (С. 351–352), а на пути в Сингапур — цинга, хронический колит и сильнейший нервный срыв (С. 354–355), так что при отплытии из упомянутого порта в Австралию 24 июня 1878 г. он находился в полузабытье, плохо осознавая, что и как делает (С. 358–359). В январе 1880 г. приступы малярии повторялись каждый день, а при отъезде из Петербурга в ноябре 1882 г. сначала в Западную Европу, а потом — в Австралию в очередном письме Вирхову Миклухо-Маклай жаловался на «отвратительный мышечный ревматизм» и «невралгии всех видов» (С. 460). Этот скорбный перечень можно продолжать и продолжать...

Все вышесказанное сопровождалось, как упоминалось выше, жестокой нуждой, становившейся все более нестерпимой,

после того как Миклухо-Маклай, закончив период ученичества и ознакомительных экскурсий, обратился к своей основной экспедиционной деятельности в Океании. Средств, выданных путешественнику РГО, решительно не хватало, и, впервые отправляясь на Новую Гвинею, он не смог закупить по пути в Лондоне много необходимого для своих исследований. «Глупо зависеть от такой дряни, как от денег», — как-то обмолвился он в письме к сестре Ольге (С. 129). Однако действительность неизменно возвращала его к необходимости их где-то доставать. Миклухо-Маклай пользовался в этом отношении благорасположением друзей (в частности, А.А. Мещерского), а также случайных меценатов, встречавшихся ему в разных частях огромного изучавшегося им региона, оставлял кредиторам в качестве залога свои коллекции, наконец, просил, постоянно просил своих близких о материальной поддержке предпринимавшихся им научных изысканий. Если сначала упомянутые просьбы и находили какой-то отклик, то к середине 70-х гг. Николай Николаевич стал для своей матери, считавшей, что он попусту тратит семейные деньги, отрезанным ломтем (С. 253). Она перестала отвечать на письма сына и с 1874 по 1882 г. не писала ему сама, хотя в эти годы семья путешественника отнюдь не бедствовала. В 1873 г. Екатерина Семеновна, подкопив денег, приобрела в Радомысльском уезде Киевской губернии поместье Малин, насчитывающее 1200 десятин (ок. 13 кв. км) пахотной земли и лесные угодья. Управлял всем этим старший брат путешественника Сергей, относившийся к нему более чем холодно. В итоге дело обернулось таким образом, что Миклухо-Маклай оказался лишенным своей доли в этой семейной недвижимости. В Малине ему не принадлежало ничего. Многолетнее молчание матери и Сергея привело Николая Николаевича к решению не возвращаться в Россию, а поселиться в Австралии. Теплые и доверительные отношения связывали его только с сестрой Ольгой, но в январе 1880 г. она умерла, о чем путешественник узнал лишь после возвращения в Россию в августе 1882 г.

Не в пример матери и старшему брату у Миклухо-Маклая сложились весьма позитивные контакты с царствующим семейством Романовых. Александр II распорядился доставить путешественника на Новую Гвинею, а Александр III, продолжая традицию отца, из личных средств не раз субсидировал Николая Николаевича довольно крупными суммами и гасил его немалые долги. Позднее императрица Мария Федоровна за свой счет отправила на родину, в Австралию, его вдову с детьми, а Александр III и Николай II обеспечили их на тридцать лет вперед, до 1917 г., российской пенсией. Однако при жизни Миклухо-Маклая вся эта помощь была совершенно обяза-

тельной и зависевшей лишь от случайного благорасположения к нему сильных мира сего. Конечно, известность, пришедшая к путешественнику в начале 80-х гг., несколько ослабила тиски финансовых трудностей, но его женитьба на австралийской уроженке Маргарет Робертсон и рождение двух сыновей, т.е. необходимость содержать свою семью, снова до предела обострили нужду в деньгах.

Следует отметить, что все три характерные для жизни Миклухо-Маклая данности: 1) важное и, пожалуй, единственно возможное решение исследовать Новую Гвинею, едва ли не последний неизученный гигантский остров Южного полушария, 2) преследовавшие его с детских лет болезни и 3) нужда, прорисовавшая тогда из общественной незаинтересованности в исследованиях путешественника, — оказались непреложными и неизбывными. Выйти за их пределы или просто отклониться от них было невозможно.

Между тем в разделах монографии, посвященных исследовательской деятельности Миклухо-Маклая, не все так однозначно. Вспомним, ведь автор поставил своей задачей «деидеализировать», в некоторых случаях «деидеологизировать» и «демифологизировать» образ путешественника и, надо сказать, решительно взялся за эту работу, решительно, но (да простится мне это выражение!) довольно неуклюже. Вот несколько примеров. 23 апреля 1874 г. у Берега Папуа-Ковиай, аборигены которого в отличие от населения будущего Берега Маклая уже имели негативные контакты с цивилизованным миром, вооруженный путешественник пленил и фактически арестовал местного злоумышленника, некоего Саси, под руководством которого была ограблена его хижина и совершено насилие над находившимися рядом с ней людьми. Д.Д. Тумаркин пишет, описывая в разных вариантах этот эпизод, ученый стремился продемонстрировать свою «смелость, неустранимость и находчивость в “зазеркалье” — мире первобытных людей», чем «вносил свою лепту в развитие мифологических представлений о деяниях и личности Маклая, возникших в России и за ее рубежом» (С. 278). Как будто забыв о том, что он писал выше, автор счел, что лишь данный случай способен подтвердить упомянутые качества путешественника. Исследуя опубликованное письмо в поддержку Миклухо-Маклая итальянского ученого О. Беккари, автор приходит к следующему выводу: «Письмо Беккари и вызванная им волна народного сочувствия, тревоги и поддержки — важная веха на пути мифологизации и идеологизации Миклухо-Маклая. С этого времени в русском общественном сознании стало складываться представление о Маклае не просто как об отважном путешественнике, но как о мученике науки, добровольно обрекшем себя на всевозмож-

ные лишения в далеких и неведомых странах» (С. 410). Позвольте, а та информация, которую мы приводили из рецензируемой книги выше, разве не является бесспорным свидетельством такого мученичества? И разве существовал в XVII—XIX вв. какой-либо путешественник, в подлинном значении этого слова (т.е. человек, несмотря на бесчисленные трудности, пропускающий через свое сознание и научный опыт, а также разными способами фиксирующий все многообразие реалей исследуемой территории), которого нельзя было бы назвать отважным? Д.Д. Тумаркин не склонен доверять и другому читателю Миклухо-Маклая, упоминавшемуся выше Г. Моно. «Моно внес новый значительный вклад (причем не только в России) в превращение Маклая в живую легенду, — пишет автор. — Возникнув в общественном сознании и муссируемый в печати, этот образ начал развиваться по законам жанра, порой значительно отличаясь от реального прототипа» (С. 435). Опять поразительная «забывчивость». Разве не об этом самом прототипе мы читали в предыдущих главах?

Мы не считаем уместными ряд выражений автора, которыми он характеризует деятельность Миклухо-Маклая в начале 1880-х гг., когда ученый готовился к прибытию в Россию после длительного отсутствия. Находясь в условиях абсолютного недофинансирования со стороны РГО, путешественник по пути на родину в ряде своих писем и интервью сообщал: не получив возможности издать свои труды в России, он сделает это в Великобритании, что Д.Д. Тумаркин оценивает словечком «утечка», свойственным, пожалуй, лишь агентурно-шпионскому быту и политологическому словарю (С. 435—436). Обещание Миклухо-Маклаем Совету РГО взяться за написание своих итоговых трудов объясняется автором как «приманка», во избежание опасности «нарваться на решительный отказ» от их субсидирования (С. 436). Телеграммы путешественника в редакцию российской газеты «Голос» с мест стоянок броненосца «Петр Великий», на котором он плыл на родину, приводят Д.Д. Тумаркина к мысли, что его герой «был отнюдь не чужд саморекламы» (С. 444).

Особого упоминания заслуживает, на наш взгляд, безусловно, излишнее стремление автора, как бы это адекватнее выразиться, «физиологизировать» образ Миклухо-Маклая, т.е. с методичностью, достойной лучшего применения, выявить и описать все случаи сексуальных контактов путешественника (С. 228, 282—283, 303—304, 340) и, более того, зафиксировать даже вполне платонические эпизоды, когда тот, созерцая представительниц противоположного пола (скажем, во время танцев), возможно, испытывал при этом какие-то эротические чувства (С. 62, 144—145, 169, 174—175, 182). В чем причина этой

особенности монографии? Думается, в том, чтобы, во-первых, сделать ее более «читабельной» для невзыскательного обывателя, а во-вторых, опровергнуть не лишённые определенной «желтизны» писания некоторых авторов, утверждавших, например, что путешественник был педофилом (С. 62) или что в своем «тропическом раю» он «имел право на гарем из 147 туземных жен» (С. 563). Что ж, перед нами еще несколько примеров «демифилогизации» личности Миклухо-Маклая, реализованной Д.Д. Тумаркиным.

Ответ на все эти разыскания и измышления прост. Молодой человек, наделенный страстным характером, холерическим темпераментом и проведенный в одиноких странствиях двадцать лет (т.е. 1864–1884 гг., от прибытия в Гейдельберг до женитьбы в Австралии), разумеется, не давал монашеского обета. Время полового созревания, брачный возраст и другие социальные и интимные особенности женщин нашей планеты в зависимости от климатических условий и массы других причин фундаментально разнятся с учетом расовой, национальной, племенной принадлежности, и здесь не место в это углубляться. Сексуальные нравы и обычаи землян, а особенно племен, которым не посчастливилось идти в ногу с мировой цивилизацией, чрезвычайно разнообразны. Нередко интерес к океанийской представительнице противоположного пола сочетался у путешественника с вниманием к ней как к чисто антропологическому объекту (см., например, с. 282–283). Иногда дело касалось этнографической сферы. Однажды Миклухо-Маклай в селении рядом с нынешним г. Порт-Морсби (Папуа — Новая Гвинея) срисовывал сложную татуировку, нанесенную на тело местной шестнадцатилетней девушки. Однако автор монографии, настроенный на определенную волну, с видимым сожалением прибавляет: «Забавлялся ли Миклухо-Маклай с прелестной натурщицей? Об этом нет ни слова в его публикациях, дневниках и записной книжке» (С. 393).

Наиболее слабыми частями монографии, по нашей оценке, являются те, в которых рассказывается о Миклухо-Маклае как о борце за права аборигенов, лицом к лицу столкнувшемся с международной и политической ситуацией своей эпохи и пытавшемся ей противостоять. Это противостояние оценивается в суммарном, синтезированном виде, в том числе по отзывам современников, как своего рода приговор, который и преподносится читателю.

Нам представляется абсолютно очевидным, что, изучая аборигенов, годами живя среди них и во многом их жизнью, подвергаясь смертельной опасности лишиться жизни по их вине, но ни в коей мере не воспринимая это как их вину, Миклухо-

Маклай просто не мог не полюбить их со всей страстью, на которую была только способна его истерзанная недугами натура. Как объект исследования они представляли перед ним отнюдь не примитивными гидробионтами, морскими губками, акулами и прочими рыбами, мозг которых он препарировал, вступая на стезю науки, являлись не недочеловеками, живым товаром, «черными дроздами», как называли их европейские колонизаторы, они были для него людьми, и, без остатка проникнувшись их психологией, обычаями, нравами, поверьями, страхами, несчастьями и радостями, видя их слезы при расставаниях с ним и откликаясь на их надежды снова с ним встретиться, ученый-подвижник, в высочайшей степени обладавший таким качеством, как моральная гениальность, не мог не встать на их защиту, причем был готов для этого на любые хлопоты, просьбы, проекты, международно-политические комбинации, уступки, пусть в чем-то личном, был готов на все... не исключая потери своей жизни, которой он в итоге безвременно лишился.

Миклухо-Маклай поднялся один против всей мировой колониальной системы и, конечно, был неизбежно обречен на поражение. Блестящий специалист в области антропологии, этнографии, многих естественных наук, он, разумеется, не мог тягаться на равных с государственными деятелями, политиками, крупными коммерсантами своего времени, да и со всей этой огромной армией прожженных «цивилизаторов» планеты. Не мог, но пытался, ибо другого пути в 1874—1887 гг., когда он боролся за права новогвинейских папуасов, у него не было и быть не могло. Ученый попал тогда в четвертый желоб своей жизненной данности (вспомним об упомянутых выше первых трех), вырваться из которого, т.е. за пределы своей эпохи, было невозможно. И он сражался, сражался как мог...

Известна поговорка: «С волками жить — по-волчьи выть». Однако далеко не у каждого неопита, примкнувшего (в нашем случае — по суровой, неизбежной необходимости) к волчьей стае, это получается: и повадки не те, и вой не тот. Стремление защитить папуасов от надругания, рабства, уничтожения побудили Миклухо-Маклая вступить в контакт, а затем и неизбежное противостояние с совершенно не знакомым ему жестоким, лицемерным и коварным миром расизма, наживы и территориальных захватов. В 1874 г., после посещения Берега Папуа-Ковиай, он планировал основать там, в пику бездействовавшим голландским властям, военное поселение для защиты аборигенов. В 1875 г. ввиду угрозы англо-австралийского захвата Новой Гвинеи предлагал принять остров под российский протекторат. В 1876 г. вынашивал мысль о Папуасском союзе и писал вице-председателю РГО П.П. Семенову, который

должен был хлопотать в верхах о проекте создания станций военных судов для поддержки интернационального правительства коренного населения островов Тихого океана. В 1879 г. из-за германской угрозы Океании обращался к британскому верховному комиссару в западной части Тихого океана и губернатору о-вов Фиджи А. Гордону с просьбой о защите папуасов, среди которых месяцами жил во время своих исследований, и снова к П.П. Семенову — о создании российской океанской морской станции. В 1881 г. ходатайствовал перед командующим британскими военно-морскими силами в юго-западной части Тихого океана о том, чтобы оградить папуасов и вообще океанийцев от рабства, и разработал «Проект развития Берега Маклая». Начиная с того же 1881 г. инициатива ученого об основании военно-морской станции России в Океании на случай будущей крейсерской войны неоднократно обсуждалась в правительстве и, в частности, морском министерстве. А близ такой станции, по мысли Миклухо-Маклая, могла бы появиться община русских переселенцев. Побывав в марте 1883 г. в очередной раз в местах своих прежних новогвинейских стоянок и обнаружив там обезлюдение, следы насилий колонизаторов, междоусобицы и голод, путешественник пришел к мысли, что он должен лично возглавить Папуасский союз, который находился бы под протекторатом одной или нескольких европейских держав, причем необязательно России. О том, что стоит приобрести в российское владение пункт в Океании «через допущение частного доверенного лица к устройству на нем фактории под покровительством русского флага», высказывался и командир корвета «Скобелев» (ранее «Витязя»), доставившего Маклая к «его» Берегу, адмирал Н.В. Копытов (С. 482).

В 1884 г., несмотря на все усилия путешественника, судьба Берега Маклая была решена: он был поделен между Германией и Великобританией, которые договорились о разграничении сфер влияния в Новой Гвинее. Судорожные попытки Николая Николаевича сыграть на противоречиях Берлина (он, в частности, писал и Бисмарку), Лондона и Петербурга ни к чему не привели.

Оставалось последнее, о чем ученый размышлял уже не первый год: все же в пику всем трудностям основать вольную русскую колонию на одном из островов... (нет, не на «его» Берегу, он находился тогда под властью немцев) Океании. Идея была поистине фантастической, но он верил в нее, и на его призыв откликнулось полторы тысячи соотечественников. Этот проект по указанию царя обсуждался 9 (21) декабря 1887 г. на квартире министра иностранных дел Н.К. Гирса, расположенной в здании Главного штаба на Дворцовой площади. В заседании

участвовали заместители министров или главы департаментов пяти министерств: иностранных дел, финансов, внутренних дел, военного и морского. Миклухо-Маклая попросили подождать в соседней комнате. Он испытывал серьезное недомогание, «временами переходившее в сильную дрожь» (С. 535). Ученый понимал, что за соседними дверьми решается дело его жизни, но от этого, конечно, были весьма далеки собравшиеся напротив лощеные действительные статские и тайные советники, которым и в своих самых страшных снах не могла привидеться хотя бы ничтожная доля того, что Миклухо-Маклай долгие годы испытывал во время своих путешествий. Затем его пригласили ответить на вопросы сановников, и он, собрав последние силы, это сделал. В итоге проект ученого был окончательно отклонен. Политическая целесообразность одержала верх, но психологически Николай Николаевич был сломлен, погас. Этот последний жизненный удар перенести ему было уже не дано, тем более что ранее на него обрушились и другие — отказ России от протектората над Берегом Маклая, его упоминавшаяся выше германская оккупация, ликвидация любимого детища ученого — Биологической станции в австралийском Сиднее, единственной реально существовавшей из ряда задуманных им в разное время в других частях мира...

Как же оценил автор монографии борьбу Миклухо-Маклая за права коренных океанийцев? Думается, учитывая суть личности ученого, сферу его профессиональных интересов и неизбежную предопределенность его поражения — неадекватно и негуманно. Д.Д. Тумаркин почему-то решил, что его герой мог в той или иной степени стать партнером в сложной и жестокой политической игре своего времени, что он ввязался в нее не исключительно из не дававшего ему покоя чувства человеколюбия, а, возможно, и по каким-то другим соображениям, скажем, международно-дипломатического и даже своекорыстного порядка. Автор считает его человеком «нерасчетливым» (С. 470), «довольно самонадеянно» предполагавшим «совместить геополитические интересы России с защитой островитян от злодеяний колонизаторов» (С. 487), импульсивным мечтателем, не способным «трезво просчитывать отдаленные последствия своих шагов» (С. 541). Подобных сентенций предостаточно: «Это бескорыстный, наивный мечтатель, который с фанатическим упорством, но безуспешно стремился приносить пользу человечеству в соответствии со своими идеалами» (С. 564). «Это был человек романтического склада, фантазер и мечтатель с непоколебимой верой в общественное предназначение науки. Смелый и решительный в чрезвычайных ситуациях, он был непрактичен в обыденной жизни

и нередко страдал от излишней доверчивости. Эти качества сочетались с необыкновенным упорством, с которым он, несмотря на неудачи, стремился к поставленной цели, не всегда сообразуясь с реальностью. Несведущий в хитросплетениях европейской политики и тонкостях дипломатического этикета, он действовал часто необдуманно, порой наивно, попадая при этом в щекотливые ситуации» (С. 565). «Его биография не менее увлекательна, чем среднего достоинства роман» (С. 564). «Миклухо-Маклай оставил в скрижалях истории яркий, неоднозначный, но в целом позитивный след» (С. 565).

Однако в монографии есть, как упоминалось, оценки Маклая и другого плана. С годами, отмечает автор, у его героя стали проявляться нарастающий практицизм, забота о приобретении материальных благ, стремление к сближению и дружбе с сильными мира сего (С. 564). Параллельно с проектом переселенческой колонии он планировал осуществить и другой проект, связанный с деятельностью Русского Тихоокеанского товарищества (РТТ), находившегося «под эгидой московских богачей». РТТ должно было на своих судах вести в Океании меновую торговлю, основывать коммерческие фактории, разбивать плантации тропических культур. Но, помилуйте, Маклай никогда бы не добрался до Новой Гвинеи и ничего бы там не сделал без помощи и поддержки «сильных мира сего», причем не просто денежных купцов, а русских царей. Да и кто способен бросить камень в того, кто, соединившись после немислимых страданий с любимой женщиной, наградившей его двумя сыновьями, и лишенный причитавшейся ему доли в семейной собственности, не стремился бы материально обеспечить свою семью? Прибавим к этому, что оба упомянутых проекта, как известно, не реализовались.

Есть в монографии и еще одна, надо сказать, поразившая нас деталь. Во время пребывания Миклухо-Маклая в Австралии в 1885–1886 гг. русское правительство, от благорасположения которого путешественник, как известно, целиком зависел, предложило ему сообщать о ситуации в стране. Ученый отнесся к этому, мягко говоря, без восторга, но отказать, имея в виду все свои, так сказать, базовые устремления и задачи, решительно не мог. В результате он послал в Петербург три конфиденциальных отчета на эту тему. Д.Д. Тумаркин, не мудрствуя лукаво, включил в один из подзаголовков книги вопрос: «Был ли шпионом Миклухо-Маклай?» (С. 503), хотя звучит он, несомненно, кощунственно. Вообще в маклаеведении эта, с позволения сказать, «тема» обсуждается довольно давно, поэтому петербургский австраловед А.Я. Массов тщательно исследовал три названные отчета путешественника и пришел к однозначному выводу: использование им исключительно открытых

источников уже само по себе позволяет решительно отвергнуть возможность обвинения автора этих текстов в шпионаже, они не были результатом разведывательной деятельности, а содержали лишь собранную и систематизированную доступную информацию о военных приготовлениях и политической ситуации в Австралии и Океании (С. 509). Однако Д.Д. Тумаркин оказался не склонен согласиться с А.Я. Массовым: «Из истории разведки известно, — пишет он, — что значительная часть разведывательной информации извлекалась из сбора и анализа фактов, содержащихся в “открытых источниках”, из невинных на первый взгляд бесед с лицами, располагающими секретными сведениями, и визуальной разведки, к которой прибегал, правда, довольно редко, Миклухо-Маклай. Предоставляем читателям судить, стал ли Николай Николаевич, сам того не желая, разведчиком-дилетантом в 1885–1886 гг.» (С. 509). Ну, что тут скажешь...

Наконец, мы решительно, категорически возражаем против обывательски-снисходительного уподобления Н.Н. Миклухо-Маклая Дон Кихоту, а его деятельности (причем не только связанной с борьбой за права папуасов, а всей, целиком, чего уж тут разбираться!) — донкихотству. Если один из теоретиков анархизма Л.И. Мечников (брат известного биолога и патолога), министр иностранных дел Н.К. Гирс и иже с ними могли в силу своей весьма скромной осведомленности о днях и делах Миклухо-Маклая думать подобным образом, то Д.Д. Тумаркину, знающему об ученом в сотни, а может быть, и в тысячи раз больше других, не пристало писать, что, «подобно герою Сервантеса, “белый папуас”, выражаясь фигурально, нетвердо сидел в седле и, случалось, сражался с ветряными мельницами, думая, что воюет с грозными великанами» (С. 565), а также заканчивать свою книгу строчками Юлии Друниной: «Ах, донкихоты! Как вы не смелы, геройства ваши — тема для остроф...» (С. 565). Мы ни в коей мере не хотим бросить тень на благородного рыцаря, ожившего под пером Сервантеса, просто Н.Н. Миклухо-Маклай не имеет к этому литературному образу не малейшего отношения. Что общего между добродетельным чудачком, мечтателем, фантазером и человеком, безгранично преданным науке, строгим, скрупулезным и точным исследователем, отличавшимся колоссальной силой воли, готовностью к самопожертвованию и надорвавшимся в неравной борьбе за права народов, просто отставших в движении по лестнице истории, в той борьбе, от которой он в силу своих моральных принципов не мог отказаться? А вот кто хорошо понял душу Миклухо-Маклая и глубоко осознал его значимость для человечества, так это гуру россиян великий Лев Толстой, о чем справедливо упомянуто в монографии.

Немаловажно остановиться и на том, почему дневники Миклухо-Маклая, по выражению автора, «одна из драгоценных жемчужин европейской литературы путешествий» (С. 202), не превратились в завершенные научные труды. Кстати, сам Д.Д. Тумаркин не дает ответа на этот вопрос. В монографии лишь часто упоминается, что над путешественником тяготело, как кошмар, данное им и РГО, и царю слово подготовить (и в кратчайшее время!) как минимум двухтомное исследование о проделанной на Новой Гвинее работе.

Мы можем ответить на поставленный вопрос со всей определенностью. В тех гносеологических, временных, житейских и финансовых обстоятельствах, в которых находился Миклухо-Маклай, он не мог осуществить это по объективным, т.е. абсолютно не зависевшим от него, причинам. Превалировала над всем, естественно, научно-познавательная составляющая. Чтобы синтезировать эмпирические наблюдения, зафиксированные в его бесспорно выдающихся дневниках, очень многого не хватало. Не хватало трудов и выводов предшественников и современников (правда, ту часть Новой Гвинее, которая в будущем стала называться Берегом Маклая, он посетил первым, но это была лишь небольшая территория острова), не хватало сведений, с которыми можно было бы сравнивать и сопоставлять свои наблюдения, фундаментального освоения всего богатства литературы об отсталых племенах в других частях мира, не хватало многочисленных поездок собственно по Новой Гвинее, занимающей сотни тысяч кв. км, и т.п. Не случайно поэтому, не раз приступая к написанию своего труда, при отсутствии упомянутых выше условий, как правило, в спешке (ученого, как известно, очень многое отвлекало), будучи большим и часто лишенным средств к существованию, он в нерешительности и совершенно понятном бессилии останавливался. Не будем забывать, что А. Гумбольдт по окончании своего путешествия в Америку 1799–1804 гг. завершил научную публикацию собранных материалов лишь в 1834 г., т.е. через тридцать лет. Причем великий немец сумел проявить свое научное новаторство не только в связи с результатами проведенных полевых исследований, но и благодаря освоению огромного наследия предшественников.

Между тем трагическая развязка судьбы Миклухо-Маклая приближалась. В марте — июле 1887 г. он предпринял поездку в Австралию, чтобы перевезти в Петербург свою семью — супругу Маргарет и сыновей Александра Нильса, которому было чуть более трех лет, и полугодовалого Владимира Аллана. Супруга ни слова не говорила по-русски. Нужно было фактически с нуля устраиваться на новом-старом месте.

В Петербурге ученый попал в последний, пятый, желоб своей жизненной данности, олицетворенный тогда вполне материально — в виде узкой Галерной улицы, соединяющей Сенатскую площадь с Адмиралтейскими верфями. Если близ Сената и Синода она имела более или менее пристойный вид, то за Благовещенской площадью (ныне — пл. Труда) превращалась, как, впрочем, и ныне, в неприбранную, особенно зимней порой, полузахолустную дорогу. На ней-то в доме № 53, в квартире № 12, расположенной на четвертом этаже, в одной из плотно зашторенных комнат и умирал Миклухо-Маклай.

По возвращении в российскую столицу состояние ученого стало быстро ухудшаться. Лечил его светило тогдашней медицины Сергей Петрович Боткин, но распознать, в чем причина угасания пациента и его все нараставших страданий, он при том уровне науки, естественно, был не в состоянии. Много-много позднее, в 1962 г., при исследовании черепа Миклухо-Маклая установили, что произошло раковое поражение области правого нижнечелюстного канала, очевидно, спровоцированное длительной болезнью нижней ветви тройничного нерва, а раковые метастазы стали губительно сказываться на работе многих внутренних органов.

В Петербурге Миклухо-Маклая, лишь время от времени получавшего грошомые гонорары от газетных публикаций, со всех сторон обступили житейские трудности. 18 (30) июля 1887 г., еще пребывая с семьей в отеле «Англетер», он писал брату Сергею, управлявшему материнским поместьем: «Пришли, пожалуйста, денег — у меня осталось только несколько рублей (!). А между тем мне нужно уплатить счет в Hôtel'e, дать задаток за квартиру, купить мебель, посуду, нанять прислугу и т.д. Прошу тебя, не заставь долго ждать присылкою» [Миклухо-Маклай 1996: 495].

С ноября 1887 г. ученый перестал выходить из дома. Из-за раковых метастазов в левом полушарии мозга у него отнялась правая рука, появились сильные отеки ног и живота, страшные боли при попытке что-либо произнести, но он не подавал вида, как страдает, и продолжал работать. В письме младшему брату Михаилу от 20 января (1 февраля) 1888 г. читаем: «Брат Mick! По случаю нездоровья я не мог приготовить вовремя 2-ю половину статьи моей для ("Нового времени"), почему я не могу получить за нее гонорар. Но я приготовил ее сегодня к отправке в редакцию и, вероятно, получу деньги завтра или послезавтра. Если можешь, пришли мне руб. 10. Я их тебе возвращу, как только получу из редакции, чем очень обяжешь брата. Здоровье положительно не лучше» [Миклухо-Маклай 1996: 507].

10 (22) февраля Николая Николаевича перевезли в клинику Боткина, находившуюся в Михайловской клинической больнице баронета Виллие, которая, как упоминалось, входила в состав Военно-медицинской академии. В письме оттуда антропологу А.П. Богданову Миклухо-Маклай просил его ответить по своему новому, теперь уже, как оказалось, последнему, «адресу»: «в 11-ю палату, кровать № 29» [Миклухо-Маклай 1996: 508]. С 29 марта (10 апреля) состояние ученого осложнилось бронхитом и пневмонией. Вечером 2 (14) апреля 1888 г. в 8 часов 15 минут, не дожив трех месяцев до своих 42 лет, Николай Николаевич Миклухо-Маклай скончался. Его похороны 5 (17) апреля на Волковом кладбище, рядом с отцом и сестрой Ольгой, были более чем скромными.

Спустя десять лет научный обозреватель газеты «Новое время» Л.К. Попов, каким-то образом оказавшейся вблизи ученого перед самой его кончиной, писал: «Я наклонился над его кроватью, он смотрел на меня взглядом полного отчаяния и едва слышно произнес: Погиб мой труд; две крупные слезы скатились с судорожно закрытых век... Мой труд погиб — этот шепот умиравшего и сейчас раздается у меня в ушах; эти две слезы... я вижу их и теперь на ввалившихся щеках несчастного» (С. 555–556).

Нужен ли ныне Н.Н. Миклухо-Маклай с его наследием человечеству? Нужен, но, видимо, не всему, решительно не всему, но по крайней мере той его части, которая готова во славу традиций ученого бороться за свое будущее.

Библиография

Миклухо-Маклай Н.Н. Собрание сочинений: В 6 т. М.: Наука, 1996. Т. 5.

Борис Комиссаров